

Д. О. Дрозд*

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье поднимается вопрос о соблюдении принципа непосредственности судебного разбирательства в случае применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия. Автор исследует значение данного принципа в российской правосудии и предлагает отойти от его буквального прочтения. Выделяются три уровня использования систем искусственного интеллекта при отправлении правосудия: техническая обработка искусственным интеллектом доказательств (их анализ); оценка искусственным интеллектом доказательств; рассмотрение дела искусственным интеллектом. Оценивается соблюдение принципа непосредственности судебного разбирательства применительно к каждому из названных уровней. Сделаны выводы о том, что в одних случаях искусственный интеллект может использоваться в судебной деятельности без нарушения принципа непосредственности, тогда как в других случаях решающим фактором будет способность конкретной системы искусственного интеллекта искажать исследуемые доказательства. Нарушающими принцип непосредственности признаны такие системы искусственного интеллекта, которые одновременно подменяют судью в исследовании доказательств и не гарантируют отсутствие искажений доказательств.

Ключевые слова: искусственный интеллект, принцип непосредственности судебного разбирательства, цифровизация судопроизводства

Для цитирования: Дрозд Д. О. Непосредственность судебного разбирательства при использовании искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 87–98. DOI: 10.34076/20713797_2022_4_87.

Введение

В 2021 г. в Белгородской области был запущен эксперимент по применению искусственного интеллекта в отправлении правосудия. Нельзя исключать, что в скором времени будет объявлено об успешном завершении пилотного проекта, а законодательные органы примут закон о введении искусственного интеллекта в обычную практику отправления правосудия по всей России. Данное обстоятельство в совокупности со стремительным развитием цифровых технологий делает тему применения искусственного интеллекта в правосудии крайне актуальной для правовой науки. В литературе неоднократно подчеркивалась значимость тщательного анализа подобных инноваций до начала их использования в судебной деятельности¹.

* Дрозд Данил Олегович – адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, ассоциированный партнер адвокатского бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» (Москва), ORCID: 0000-0001-5323-0588, e-mail: danildrozdz@gmail.com.

¹ См., например: Дрозд Д. О., Никитина М. А. Влияние цифровизации на судебный процесс // Законодательство. 2022. № 1. С. 53.

Данная статья открывает важную дискуссию о соблюдении принципов правосудия в случае применения искусственного интеллекта в судебной деятельности. Значимым элементом основ судопроизводства в России является принцип непосредственности. Он нашел прямое закрепление в ст. 10 АПК РФ, где говорится о строгой обязанности суда исследовать все представленные ему доказательства непосредственно. В ч. 1 ст. 71 АПК РФ подчеркивается, что оценка доказательств строится не только на всестороннем и полном, но также объективном и непосредственном их исследовании. Требование о непосредственности детализируется в ч. 1 ст. 162 АПК РФ, где отмечается, что непосредственность подразумевает осмотр самим судом вещественных доказательств, заслушивание самим судом объяснений участников дела и т. д. Похожая норма содержится в ч. 1 ст. 157 ГПК РФ. Принцип непосредственности можно обнаружить и в других законах: он закреплён в п. 6 ст. 6 и ст. 13 КАС РФ, а также в ст. 240 УПК РФ.

В настоящем исследовании принцип непосредственности будет рассматриваться преимущественно с точки зрения цивилистического судебного процесса, однако выводы во многом будут актуальны и для других видов судопроизводства.

Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия может привести к тому, что искусственный интеллект станет «отнимать» часть непосредственности, создавая «прослойку» между доказательствами и судьей. В частности, если искусственный интеллект будет использован для анализа большого количества однотипных доказательств, а судья будет знакомиться лишь с отчетом по результатам этого анализа, то возникнет вопрос о соблюдении рассматриваемого принципа. А если искусственный интеллект будет самостоятельно разрешать заявления или ходатайства, судья и вовсе отстранится от исследования доказательств. Исходя из этого, необходимо определить, в каких ситуациях применение искусственного интеллекта способно привести к нарушению принципа непосредственности.

Принцип непосредственности судебного разбирательства: сущность и значение

Согласно правовой позиции Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ непосредственность судебного разбирательства представляет собой принцип гражданского процесса, который определяет «метод исследования доказательств судом» и одновременно является «правовой гарантией их надлежащей оценки, установления действительных обстоятельств дела»¹. Большинство авторов в качестве основного признака непосредственности судебного разбирательства выделяют отсутствие посредничества между исследованием доказательств и судом. Так, указывается, что доказывание проходит прямо перед судом², который самостоятельно, без опосредования³ и лично воспринимает доказательственный материал⁴. Это же подчеркивается в судебной практике: рассматривающий дело суд «обязан лично воспринимать доказательства по делу»⁵.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 декабря 2020 г. № 5-КГ20-99-К2.

² Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Д. А. Фурсов. М.: Проспект, 2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (комментарий к ст. 10).

³ Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (комментарий к ст. 10).

⁴ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Статут, 2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (комментарий к ст. 10).

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 декабря 2020 г. № 5-КГ20-99-К2.

В доктрине встречается и иное понимание этого принципа. М. В. Колосова отмечает, что восприятие судом сведений об обстоятельствах дела должно осуществляться «при наименьшем количестве промежуточных звеньев в цепи познания»¹. В таком случае ни о какой непосредственности речи идти не может, а принцип должен называться принципом «наименьшей посредственности». По нашему мнению, подобный подход нельзя назвать обоснованным, поскольку не имеет существенного значения, два или три посредника возникло в цепи познания, – если доказательство изучалось не самим судьей, то принцип непосредственности так или иначе был нарушен.

При этом, на наш взгляд, отсутствие опосредования должно пониматься исключительно как отсутствие посредничества, способного исказить исследуемые обстоятельства. Пример такого недопустимого посредничества – выводы из постановления следователя, которые сами по себе не могут быть положены в основу доказывания спорных обстоятельств², поскольку доказательства исследовались не судом, а иным органом.

Несколько иначе обстоит дело с техническими средствами, которые по общему правилу не могут существенно исказить результаты изучения доказательства. Так, свидетельские показания и другие устные пояснения допускается заслушивать посредством видео-конференц-связи³. Европейский Суд по правам человека указывал, что участие в заседаниях по видеосвязи по общему правилу приемлемо с точки зрения справедливого и публичного судебного разбирательства, если тем самым не нарушаются конкретные права участника дела, такие как право быть выслушанным⁴. Однозначным нарушением считаются любые помехи в эфире, которые препятствуют восприятию содержания устного выступления. Как справедливо указывают некоторые авторы, технические неполадки во время онлайн-допроса свидетеля (например, визуальные помехи) будут означать нарушение принципа непосредственности⁵.

Однако необходимо учитывать, что онлайн-формат проведения заседаний все-таки лишает судей части информации. Если смысл сообщаемых сведений при надлежащем качестве интернет-соединения передается от участника процесса судье без значимых искажений, то сопутствующие элементы публичного выступления становятся, как минимум, менее заметными для судьи. Язык тела, мимика, изменения тембра голоса современными техническими средствами, используемыми для проведения дистанционных судебных заседаний, передаются не всегда полноценно. Данный фактор затрудняет восприятие судьей устных онлайн-выступлений, что может сказаться на формировании его внутреннего убеждения. Председатель Совета судей РФ В. В. Момотов, говоря о недостатках онлайн-правосудия, отметил важную роль непосредственной коммуникации, поскольку судья при принятии решений руководствуется не только законом, но за-

¹ Колосова М. В. Принцип непосредственности гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 6.

² Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова (комментарий к ст. 10).

³ Пункт 23 постановления Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 (ред. от 27 июня 2017 г.) «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ „О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации“».

⁴ Пункт 98 постановления Европейского Суда по правам человека от 2 ноября 2010 г. по делу «Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 21272/03).

⁵ Ярошенко Т. В. Применение информационных технологий в гражданском и арбитражном процессе (электронное правосудие) // Мировой судья. 2021. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

частую сердцем¹. Значимость паравербальных средств коммуникации, таких как мимика и жестикуляция, подчеркивалась и в правовой науке². Иными словами, иногда имеет значение не только, что было сказано, но и как это было сказано. Из этого делаем вывод, что принцип непосредственности соблюдается не в полной мере при дистанционном заслушивании показаний таких участников процесса, чья эмоциональная реакция может иметь значение для правильного разрешения дела; в первую очередь, речь идет о свидетелях, экспертах, подсудимых, а также лицах, привлекаемых к административной ответственности.

В связи с цифровизацией правосудия отдельные авторы предлагали ввести новый принцип «электронной непосредственности», предполагающий изучение доказательств «через призму технических устройств»³. Исходя из такого критерия соблюдения принципа непосредственности, как отсутствие вероятности искажения доказательств посредником, кажется более корректным говорить не о появлении нового принципа, а о степени соблюдения уже действующего принципа в конкретной ситуации. Само по себе использование технических устройств, если оно не несет реальных рисков искажения информации, не может рассматриваться в качестве отклонения от принципа непосредственности.

В доктрине упоминается наличие исключений из принципа непосредственности⁴. Речь идет о редко встречающемся на практике случае – поручение одного суда другому исследовать доказательства, находящиеся в другом регионе страны (ст. 73 АПК РФ). Рассматривающий дело суд при этом не только указывает в своем определении, какие обстоятельства он намерен выяснить и с помощью каких доказательств, которые должен получить ассистирующий суд, но также в силу абз. 2 ч. 2 ст. 73 АПК РФ кратко излагает содержание спора. Это позволяет помогающим судьям более ясно понимать стоящую перед ними задачу, поскольку обязательному направлению в их адрес подлежит только само определение суда без иных материалов дела (абз. 3 ч. 2 ст. 73 АПК РФ).

Одним из следствий действия принципа непосредственности является правило о неизменном составе суда⁵, предписывающее рассматривать дело сначала (ч. 5 ст. 18 АПК РФ), если судья сменился, что возможно только в исключительных обстоятельствах (чч. 3–4 ст. 18 АПК РФ). Рассмотрение дела с самого начала и до конца одним и тем же составом суда позволяет судьям сформировать внутреннее убеждение, необходимое для правильного разрешения дела⁶.

Непосредственность судебного разбирательства, исходя из сложившейся судебной практики, ошибочно ассоциировать с изучением судьей всего объема материалов дела. Речь идет, скорее, о том, что судья должен лично исследовать все имеющиеся группы доказательств, но не каждый элемент внутри этих групп.

¹ Горшкова А. Никакая ВКС не заменит коммуникацию в судебной системе: расшифровка доклада В. В. Момотова на онлайн-ПМЮФ // Адвокатская улица. 2020. 11 апр. URL: <https://advstreet.ru/columns/nikakaya-vks-ne-zamenit-kommunikatsiyu-v-sudebnoy-sisteme/> (дата обращения: 16.03.2022).

² Колосова М. В. Указ. соч. С. 34.

³ Митрофанова М. А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8.

⁴ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Д. А. Фурсов (комментарий к ст. 10); Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова (комментарий к ст. 10); Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова (комментарий к ст. 10).

⁵ Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова (комментарий к ст. 10).

⁶ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Д. А. Фурсов (комментарий к ст. 10).

Обосновывается такая фрагментарность непосредственного участия судьи в исследовании доказательств принципом процессуальной экономии. Этот принцип, хотя прямо не закреплен на законодательном уровне, пронизывает весь гражданский процесс¹. Поэтому фразы некоторых комментаторов о том, что судья должен воспринять «весь доказательственный материал»², на наш взгляд, недостаточно точны. На практике судье необходимо знать о наличии в материалах дела конкретных групп доказательств, а воспринять лишь те их фрагменты, которые имеют значение для рассмотрения дела.

К примеру, истец заявляет требования, вытекающие из договора подряда, составленного на 30 листах. Разумеется, судья не станет читать такой договор даже «по диагонали», а обратит внимание лишь на основные его положения. Исключение из подобного выборочного подхода только одно – ссылка участника спора на конкретные положения договора (или иного документа), на которые нужно обратить внимание. Показательно и то, как перед началом прений большинство судей исследуют доказательства: пролистывая материалы дела, оглашают те самые группы доказательств без заострения внимания на однотипных документах. Например, если приложено 20 платежных поручений, судья вряд ли назовет номер, дату и сумму каждого денежного перевода. Тем более не стоит ожидать от судьи подробного изучения каждого документа, если речь идет, допустим, о десятках однотипных транспортных накладных (CMR), а также выставленных актов и счетов.

Аналогичный выборочный подход к исследованию доказательств поддерживается в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. В п. 90 постановления Пленума от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что исследование неписьменных доказательств, зафиксированных на материальном носителе, допускается ограничивать изучением обложки, правда, только в отсутствие спора о содержимом. Если же содержимое оспаривается, то только тогда, по мнению Верховного Суда РФ, судья должен непосредственно исследовать спорное доказательство. Однако и в этом случае без принципа процессуальной экономии не обойдется: при согласии участников процесса исследование доказательств «может носить выборочный характер».

Таким образом, принцип непосредственности направлен, в первую очередь, на исключение посредничества между судьей, оценивающим доказательства, и самим изучаемым объектом. Такое посредничество нежелательно в силу вероятности искажения доказательств, поэтому в отсутствие реальной возможности указать объект исследования посредничество стоит признавать допустимым (техническое посредничество). При этом судьи должны лично изучать поступающие доказательства в ходе разбирательства, что, однако, не означает необходимости детально исследовать весь их массив – допустимо изучать лишь ключевые обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Соблюдение принципа непосредственности

при использовании искусственного интеллекта в судебном разбирательстве

Можно выделить три уровня использования искусственного интеллекта в судебной деятельности: техническая работа искусственного интеллекта по анализу

¹ Шакирьянов Р. В. Действие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 46–67.

² Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова (комментарий к ст. 10).

доказательств и судебной практики; оценка искусственным интеллектом доказательств; рассмотрение дела искусственным интеллектом. Указанные уровни названы в порядке убывания роли судьи: в первом случае судья лично исследует доказательства, имея под рукой результаты анализа, проведенного искусственным интеллектом; во втором случае судья уже полноценно не исследует материалы дела, а опирается на ту оценку доказательств, которую дал компьютер; в третьем случае компьютер и вовсе рассматривает дело (или отдельное заявление / ходатайство) целиком, по крайней мере, в суде первой инстанции.

Под оценкой искусственным интеллектом доказательств мы понимаем все случаи, когда искусственный интеллект делает какой-либо вывод относительно представленных доказательств вне зависимости от юридического значения этого вывода. В этом контексте считаем необходимым исходить из фактического эффекта производимой компьютером оценки доказательств, а не из того, будет ли де-юре сохраняться обязанность суда лично исследовать все материалы дела. Объясняется такой подход существованием так называемого искажения автоматизации (*automation bias*) – феномена, влекущего чрезмерное полагание человека на данные машины, даже если они противоречат собственному опыту¹. Поэтому не так уж важно, будут ли результаты компьютерной оценки доказательств обязательными для суда (если суд не укажет мотивы, по которым пришел к другим выводам) или же рекомендательными. И в том и в другом случае в силу искажения автоматизации судьи могут перестать полноценно исследовать доказательства при условии появления у них доверия к качеству работы искусственного интеллекта.

Рассмотрим, как принцип непосредственности судебного разбирательства может соблюдаться на каждом из трех названных уровней применения искусственного интеллекта в судебной деятельности.

1. Техническая работа искусственного интеллекта по анализу доказательств.

Под технической работой искусственного интеллекта мы здесь понимаем такую аналитику, которая не содержит прямых выводов по вопросам, входящим в предмет доказывания по конкретному делу. Например, искусственный интеллект может осуществлять синхронный перевод устных объяснений участников процесса или, как минимум, делать расшифровки (транскрипты) аудиозаписей²; проводить анализ отчетов об оценке на предмет соответствия обязательным требованиям к ним (наличие сведений о дате и номере отчета, о членстве оценщика в саморегулируемой организации³, наличие указания на цель оценки и др.⁴); проверять наличие в материалах дела выписок из ЕГРН на все объекты недвижимости, в отношении которых заявлены иски о признании права собственности, и т. д. Еще один пример – это проверка искусственным интеллектом судебной практики, ссылки на которую приведены участником дела. Компьютер может проверить, не приводит ли участвующее в деле лицо ссылки на отмененные судебные акты или на судебные

¹ См., например: *Grimm P. W., Grossman M. R., Cormack G. V. Artificial Intelligence as Evidence // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. 2021. Vol. 19. Is. 1. P. 47. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njtip/vol19/iss1/2> (дата обращения: 08.04.2022).*

² *Guodong Du, Meng Yu. Big Data, AI and China's Justice: Here's What's Happening // China Justice Observer. 2019. 1 Dec. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/big-data-ai-and-chinas-justice-heres-whats-happening> (дата обращения: 05.04.2022).*

³ Статья 11 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

⁴ Пункт 21 федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО № 1)» (утв. приказом Минэкономразвития России от 20 мая 2015 г. № 297).

акты, в отношении которых кассационная жалоба передана на рассмотрение в судебном заседании коллегии Верховного Суда РФ.

Однако к аналитической работе искусственного интеллекта не будет относиться, допустим, графологический анализ идентичности рукописного текста или распознавание искусственным интеллектом лиц на видеозаписи, поскольку такая работа компьютерной программы уже будет считаться подменой судебной экспертизы, для которой установлены специальные правила назначения, проведения и опровержения ее результатов.

Для целей правильного разрешения дела и во избежание судебных ошибок кажется разумным применять системы искусственного интеллекта сразу же в ходе судебного разбирательства, предоставляя участникам процесса возможность своевременного ознакомления и представления замечаний, аналогичных замечаниям на протокол судебного заседания. Так, если искусственный интеллект провел анализ письменных доказательств, то соответствующий отчет должен сразу становиться доступным для ознакомления, в том числе в режиме онлайн.

Будет ли при этом нарушаться принцип непосредственности? Процессуальное законодательство прямо устанавливает, что суд обязан лично «ознакомиться с письменными доказательствами» (ч. 1 ст. 162 АПК РФ и ч. 1 ст. 157 ГПК РФ). Действительно, техническая помощь искусственного интеллекта не подменяет личное восприятие судьями имеющихся доказательств. К примеру, если истец заявляет требования на основании подписанных между сторонами 60 актов выполненных работ на общую сумму 150 млн руб., а искусственный интеллект выдал отчет о наличии в материалах дела 58 актов на 140 млн руб., то это обстоятельство не является безусловным основанием для вынесения решения о взыскании лишь 140 млн руб. без выяснения того, действительно ли заявления истца о наличии в материалах дела еще двух актов на сумму 10 млн руб. являются голословными.

Вместе с тем у суда не возникает обязанности детально изучать доказательства, проанализированные с помощью искусственного интеллекта. Однако важно не забывать, что и в отсутствие технической поддержки судьи не обязаны исследовать каждый фрагмент всех представленных доказательств. Например, вне зависимости от того, сделана ли с помощью искусственного интеллекта расшифровка продолжительной аудиозаписи, в обязанности суда входит исследование лишь тех фрагментов, на которые указывают участники дела как на имеющие значение для выяснения тех или иных обстоятельств. При этом представляется, что в состязательном процессе судья, руководствуясь принципом процессуальной экономии, вправе и вовсе не прослушивать аудиозапись, если ее расшифровка достаточно для подтверждения доводов стороны, а другой стороной возражений не заявлено. Такой подход согласуется с презумпцией, установленной в ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ (сторона считается признающей те обстоятельства, которые заявлены другой стороной, если в их отношении не высказано несогласие).

Таким образом, при получении судом технической помощи от искусственного интеллекта принцип непосредственности не нарушается. Цифровые технологии помогают быстро и полноценно проанализировать доказательства, проверить корректность представленных документов, повысить доступность и понятность полученных доказательств. Судья непосредственно изучает имеющиеся доказательства в совокупности с представленной искусственным интеллектом аналитикой, на основе чего самостоятельно делает выводы обо всех значимых для дела обстоятельствах.

2. *Оценка искусственным интеллектом доказательств.* Если в первом случае работа искусственного интеллекта предполагает подачу информации в более удобном виде, а суд на ее основе делает выводы относительно обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела, то в данном случае вывод делается самим искусственным интеллектом, а не судьей. При этом в силу искажения автоматизации судья будет полагаться на выводы искусственного интеллекта, даже если они не будут иметь обязательной силы.

Обратимся еще раз к примеру с исковыми требованиями, основанными на 60 актах выполненных работ. Искусственный интеллект, выполняющий лишь техническую функцию по анализу доказательств, установил бы, что в материалах дела только 58 актов на такую-то сумму. То есть работа компьютера заключалась в систематизации информации из материалов дела для удобства человека. Искусственный интеллект, делающий выводы об обстоятельствах дела, может дать четкий ответ на стоящие перед судом вопросы о том, на какую сумму заявлены требования, на какую – являются неподтвержденными, а на какую – подтвержденными. Компьютер в таком случае отвечает с должной детализацией, а не ограничивается перечислением того, какие доказательства имеются, оставляя судье поле для рассуждений.

Системы искусственного интеллекта могут разрабатывать и проекты судебных актов, особенно если говорить о приказном и упрощенном производстве. Например, заявлено требование о взыскании денежной суммы и процентов на основании договора займа. Искусственный интеллект заполняет форму судебного приказа, руководствуясь проведенной оценкой материалов дела, в том числе условий договора займа: наступила ли дата возврата займа; если заем предоставлен до востребования, приложено ли подтверждение направленного требования вернуть заем; установлен ли размер процентов за пользование займом; не установлена ли договорная подсудность или отличающийся от закона досудебный порядок разрешения споров?

Сейчас оценкой доказательств на практике нередко занимаются не сами судьи, а их помощники, которые готовят проекты судебных актов по широкому кругу дел и на регулярной основе. Если эти функции будет выполнять искусственный интеллект, существенных перемен на первый взгляд не произойдет. Однако некоторая разница все-таки имеется.

Во-первых, помощники судей нередко дают свою оценку обстоятельствам дела и доводам сторон уже после вынесения решения (за исключением тех случаев, когда судья советуется с помощником перед вынесением судебного акта). При этом вместе с резолютивной частью к помощнику могут попасть и конкретные тезисы, которыми руководствовался суд и которые, соответственно, становятся обязательными для помощника судьи. Искусственный интеллект не может подстраиваться под заранее установленный результат (открыто предусмотреть такой алгоритм работы было бы неприемлемо), поэтому проект судебного акта всегда будет предшествовать решению судьи.

Во-вторых, помощник судьи является заведомо менее компетентным, чем сам судья. Искусственный интеллект не поддается столь простому сравнению – в его распоряжении самые свежие законы и судебная практика, он гораздо более «внимателен» при их анализе и применении. Любой современный человек мог не раз убедиться в превосходстве компьютера во многих сферах: подсчеты на калькуляторе всегда точнее, чем расчеты на бумаге; телефоны почти безошибочно распознают лица; в электронных справочно-правовых системах по типу

«КонсультантПлюс» вероятность найти актуальные сведения об отмене судебных актов значительно выше, чем в архиве суда. Средства автоматизации пользуются повышенным доверием, которое с каждым успешным использованием систем искусственного интеллекта только увеличивается. Внимательность проверки судьей десятого проекта судебного акта и двухсотого будет разительно отличаться, тогда как искусственный интеллект не будет допускать ошибок.

Вне зависимости от того, будет ли закреплено в законе положение о том, что судья обязан перепроверять все выводы искусственного интеллекта и несет ответственность за него как за себя самого, вполне вероятно, что судьи перестанут лично исследовать все значимые доказательства, полагаясь на оценки искусственного интеллекта. В этом и заключается отличие от искусственного интеллекта – технического помощника: последний не будет отстранять судью от анализа всех материалов дела – скорее, наоборот, те доказательства, которые могли бы быть в спешке изучены «по диагонали» на основе принципа процессуальной экономии, получают шанс удостоиться внимания судьи.

Если судьи начнут руководствоваться выводами искусственного интеллекта иногда вместо личного исследования доказательств, можно ли будет говорить о нарушении принципа непосредственности? На наш взгляд, такой вывод был бы преждевременным.

Мы выяснили, что посредничество допускается в том случае, когда оно не создает реального риска искажения доказательств. Может ли вывод искусственного интеллекта быть настолько же точным, как, например, результат работы сканера или калькулятора? Все зависит от конкретного типа искусственного интеллекта и условий его работы. Допустим, если тех, кто желает, чтобы их заявление было рассмотрено в ускоренном порядке с помощью искусственного интеллекта, обязать подавать документы в электронном виде с заполнением специальных полей, то работа искусственного интеллекта будет максимально точной. Так, если заполнены поля с суммами и реквизитами сторон, приложены копии документов в хорошем качестве, а сами требования являются бесспорными, то можно предположить, что качество работы искусственного интеллекта будет близко к стопроцентному. Если же речь идет об анализе доводов сторон на основе неоднозначной судебной практики, то очевидно, что выводы искусственного интеллекта будут вызывать обоснованные сомнения.

Таким образом, при вынесении искусственным интеллектом суждений по вопросам, имеющим значение для правильного разрешения дела, непосредственность изучения доказательств судьей исключается, однако само по себе не влечет нарушение принципа непосредственности. С учетом принципов процессуальной экономии и разумных сроков судебного разбирательства такое отступление от буквального понимания принципа непосредственности будет допустимым, если применение искусственного интеллекта не влечет реальных рисков искажения доказательств.

3. Рассмотрение дела искусственным интеллектом. Искусственный интеллект, самостоятельно принимающий судебные акты, в отличие от искусственного интеллекта, делающего выводы по существу спора, не создает проблемы наличия двух разных акторов, ответственных за анализ доказательств и за принятие решения соответственно. Однако и в том и в другом случае судья фактически перестает лично анализировать весь объем доказательств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Чтобы определить, нарушается ли в силу этого принцип непосредственности, предлагаем вернуться к характеристике этого принципа.

Выше со ссылкой на правовую доктрину и судебную практику мы указывали: доказывание проходит прямо перед судом, который самостоятельно, без опосредования и лично воспринимает доказательственный материал. Перенесем теперь эту характеристику на альтернативные способы разрешения спора: вместо фигуры судьи подставим, к примеру, арбитра, эксперта или медиатора. При рассмотрении дела в арбитражном учреждении принцип непосредственности означал бы следующее: доказывание проходит прямо перед арбитром, который самостоятельно, без опосредования и лично воспринимает доказательственный материал. Как видим, при смене субъекта, исследующего доказательство, сохраняется смысл фразы: согласно принципу непосредственности между исследователем и объектом изучения отсутствуют промежуточные звенья (посредники).

Наличие в законе прямого указания на такой субъект, как суд (а не абстрактное «лицо, принимающее решение по делу»), обосновывается конституционным принципом осуществления правосудия только судом. Этот принцип раскрывается в ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О судебной системе Российской Федерации», где закреплено, что судебная власть осуществляется только судами в лице судей, присяжных и арбитражных заседателей. Следовательно, при рассмотрении дела искусственным интеллектом не будет соблюдаться правило об отправлении правосудия только судьями, а также присяжными и арбитражными заседателями. Исправлено такое несоответствие может быть путем внесения изменений в конституционный закон (а вместе с ним и в иные нормативные акты). Конституционный принцип же не будет нарушаться, поскольку предполагается, что искусственный интеллект действует как составная часть законно созданного суда.

Таким образом, при непосредственном исследовании доказательств не судьями, а искусственным интеллектом ключевой критерий отсутствия преград между лицом, оценивающим доказательства, и конкретными средствами доказывания будет сохраняться. Значит, применение искусственного интеллекта, самостоятельно рассматривающего дело или отдельное заявление либо ходатайство, будет в полной мере соответствовать принципу непосредственности.

Заключение

Соблюдение принципа непосредственности в случае применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия будет зависеть от тех функций, которые поручаются искусственному интеллекту.

Техническая обработка системой искусственного интеллекта доказательств для удобства работы с ними человека признана нами соответствующей принципу непосредственности, поскольку при этом искусственный интеллект не подменяет ни судью, ни эксперта, а лишь упрощает изучение доказательств судом и участниками спора. Кроме того, такая обработка производится в ходе судебного процесса, что позволяет сторонам заявлять о допущенных неточностях в машинном анализе по аналогии с подачей замечаний на протокол судебного заседания.

Не так однозначно вопрос о соблюдении принципа непосредственности решается при использовании в судебной деятельности систем искусственного интеллекта, делающих выводы по существу спора, в том числе разрабатывающих проекты судебных актов. Мы исходим из того, что принцип непосредственности означает запрет лишь такого посредничества, которое способно исказить доказательства. Если система позволяет избежать искажения той информации, которую

должен исследовать суд, то ее применение допустимо с точки зрения принципа непосредственности. В остальных случаях непосредственность судебного разбирательства будет нарушаться, так как создаются условия для того, чтобы ответственный за вынесение решения по делу субъект (судья) лично не исследовал доказательства, а полностью полагался на выводы искусственного интеллекта.

Самостоятельное рассмотрение искусственным интеллектом споров или отдельных заявлений и ходатайств, как минимум, в суде первой инстанции в большей степени соответствует принципу непосредственности, поскольку условие о прямом контакте между тем, кто изучает доказательство, и самим изучаемым доказательством не нарушается. Сложность здесь возникает с соблюдением другого принципа – осуществления правосудия только судом, но вопрос о возможности отнесения судебного искусственного интеллекта к элементам суда (наравне с связанными заседателями) требует отдельного изучения.

Список литературы

Дрозд Д. О., Никитина М. А. Влияние цифровизации на судебный процесс // Законодательство. 2022. № 1. С. 46–54.

Колосова М. В. Принцип непосредственности гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 173 с.

Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Д. А. Фурсов. М.: Проспект, 2011. 896 с.

Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Статут, 2020. 1071 с.

Митрофанова М. А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 27 с.

Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. 958 с.

Шакирьянов Р. В. Действие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 46–67.

Ярошенко Т. В. Применение информационных технологий в гражданском и арбитражном процессе (электронное правосудие) // Мировой судья. 2021. № 3. С. 34–38.

Guodong Du, Meng Yu. Big Data, AI and China's Justice: Here's What's Happening // China Justice Observer. 2019. 1 Dec. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/big-data-ai-and-chinas-justice-heres-whats-happening> (дата обращения: 05.04.2022).

Grimm P. W., Grossman M. R., Cormack G. V. Artificial Intelligence as Evidence // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. 2021. Vol. 19. Is. 1. P. 33–132. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njtip/vol19/iss1/2> (дата обращения: 08.04.2022).

UDC 347

DOI: 10.34076/20713797_2022_4_87

THE IMMEDIACY OF JUDICIAL PROCEEDINGS WHEN USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Drozd Danil – advocate, Moscow Bar Association, associated partner, Reznik, Gagarin and Partners Law Office (Moscow), ORCID: 0000-0001-5323-0588, e-mail: danil-drozd3@gmail.com.

The article raises the question of whether the principle of the immediacy of judicial proceedings is complied when using artificial intelligence in the administration of justice. The author explores the meaning of this principle in Russian justice and suggests moving away from its literal reading. There are three levels of the use of artificial intelligence systems in the adminis-

tration of justice: technical processing of evidence by artificial intelligence (their analysis); evaluation of evidence by artificial intelligence; consideration of the case by artificial intelligence. Compliance with the principle of the immediacy of judicial proceedings in each of these levels is assessed. The author concludes that in some cases artificial intelligence can be used in judicial activity without violating the principle of immediacy, while in other cases the ability of a particular artificial intelligence system to distort the evidence under study will be a decisive factor. Artificial intelligence systems that simultaneously replace the judge in the examination of evidence and do not guarantee the absence of distortion of evidence are recognized as violating the principle of immediacy.

Key words: artificial intelligence, principle of the immediacy of judicial proceedings, digitalization of judicial proceedings

For citation: Drozd D. (2022) The immediacy of judicial proceedings when using artificial intelligence. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 87–98, DOI: 10.34076/20713797_2022_4_87.

References

Droz D. O., Nikitina M. A. (2022) Vliyanie tsifrovizatsii na sudebnyi protsess [Influence of digital technologies on legal proceedings]. In *Zakonodatel'stvo*, no. 1, pp. 46–54.

Fursov D. A. (Ed.) (2011) *Kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow, Prospekt, 896 p.

Guodong Du, Meng Yu. (2019) Big Data, AI and China's Justice: Here's What's Happening. In *China Justice Observer*, 1 Dec., available at: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/big-data-ai-and-chinas-justice-heres-whats-happening> (accessed: 05.04.2022).

Kolosova M. V. (2004) *Printsip neposredstvennosti grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [The principle of immediacy of civil procedural law: a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 173 p.

Krashenninikov P. V. (Ed.) (2013) *Postateinyi kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Article-by-article commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Statut, 958 p.

Mitrofanova M. A. (2013) *Elektronnye dokazatel'stva i printsip neposredstvennosti v arbitrazhnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Electronic evidence and the principle of immediacy in the arbitration process: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 27 p.

Grimm P. W., Grossman M. R., Cormack G. V. (2021) Artificial Intelligence as Evidence. In *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*, vol. 19, no. 1, pp. 33–132, available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njtip/vol19/iss1/2> (accessed: 08.04.2022).

Shakir'yanov R. V. (2012) Deistvie printsiipa protsessual'noi ekonomii v grazhdanskom sudoproizvodstve [The effect of the principle of procedural economy in civil proceedings]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, no. 4, pp. 46–67.

Yarkov V. V. (Ed.) (2020) *Kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)], 4th ed. Moscow, Statut, 1071 p.

Yaroshenko T. V. (2021) Primenenie informatsionnykh tekhnologii v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse (elektronnoe pravosudie) [Application of information technologies in civil and arbitration proceedings (electronic justice)]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 3, pp. 34–38.